

«ЛУЧШИЙ СЦЕНАРИСТ ЕВРОПЫ» ТОНИНО ГУЭРРА —

О СВОИХ СВЯЗЯХ С РОССИЕЙ И РУССКИМИ

ПЕРСОНА

Михаил МЕЙЛАХ

Страсбург

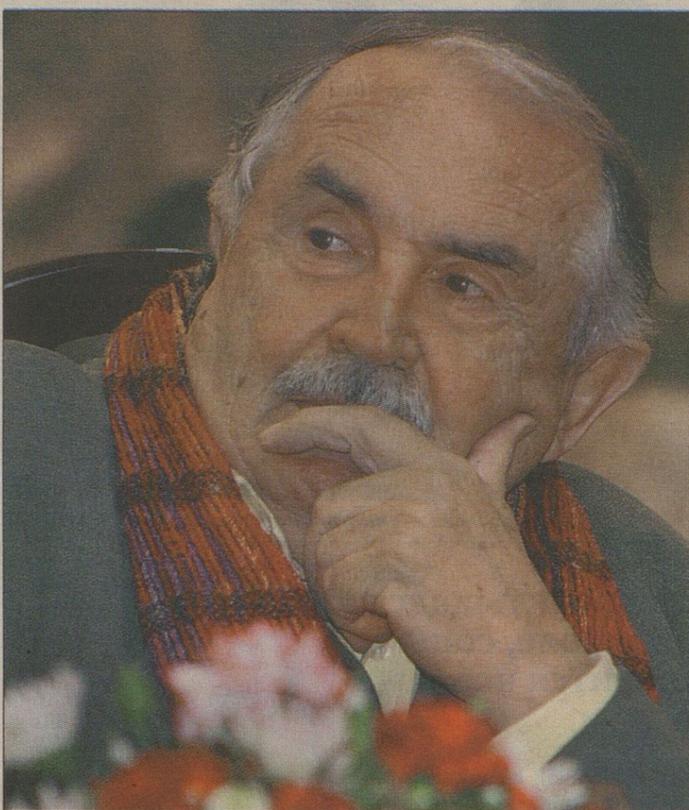
Дыхание мира

«Вечность и один день», режиссер Ангелопулос

«Собака, генерал и птицы», режиссер С.Бархин

Тонино Гуэрра: «Я вспоминаю» («Амаркорд»)

«Амаркорд», режиссер Феллини

«За облаками», режиссер Антониони

Прошедший в Страсбурге фестиваль, посвященный творчеству киносценаристов, — вероятно, первый в истории кино. Премии на нем удостоился испанский фильм «Не говори ни слова» (сценарий Алисии Люна, режиссер Исидор Боллиан), посвященный драме семейного насилия. Однако наиболее значимым событием фестиваля стало чествование итальянского поэта, прозаика и драматурга Тонино Гуэрры, увенчанного званием «лучший сценарист Европы». В своей благодарственной речи лауреат выразил признательность не только организаторам и участникам фестиваля, но и «лучшему, что есть в городе, — Страсбургскому собору».

Тонино Гуэрра, который вскоре будет праздновать 85-летие, автор более ста сценариев, в том числе для фильмов Феллини, Антониони, братьев Тавиани, Тарковского, Ангелопулоса. Он тесно связан с Россией — не только через свою русскую жену Лору, но и благодаря обширным творческим контактам.

На фестивале в Страсбурге, кроме знаменитого «Амаркорда» (вершины сотрудничества Гуэрры и Феллини), были показаны два подлинных шедевра, созданных по сценариям Тонино русскими художниками-мультипликаторами. Первый из них, «Лев с седой бородой» Андрея Хржановского — история состарившегося циркового льва Амедео. Другой — «Собака, генерал и птицы» Сергея Бархина. С рассказа о нем и началась наша беседа о дружбе Тонино Гуэрры с русскими художниками и артистами.

Сергей Параджанов

— В основу фильма Бархина положена моя новелла из книги «Теплый дождь», посвященная истории старого русского генерала. Спасая Москву от наполеоновского нашествия, он приказал солдатам поджигать птиц, чтобы те разносили огонь по всему городу. Теперь, когда генерал доживает свои дни в Петербурге, сюрреалистические горящие птицы не только возвращаются к нему во снах — его преследуют и сами пернатые, и даже в солнечную погоду ему приходится ходить по улице с зонтиком. Птицы таким образом протестуют против людского обыкновения держать их собратьев в неволе. Спасение приходит через пса-найденыша, которого генерал нарекает Бонапартом, он, призвав четвероногих единомышленников, устраивает на льду Невы собачью забастовку с требованием освободить всех птиц из клеток. Хозяйка жи-

вотных в ужасе — вот-вот вскроется река, и их любимцы погибнут! Тогда сам царь издает указ об освобождении птиц, и старый генерал наконец обретает покой.

Сергей Бархин нашел наилучший способ воплотить этот сюжет. Он вообще неистощимый изобретатель загадочных образов. Он, как и Хржановский, сродни лучшим русским режиссерам.

А я имел счастье знать не просто лучших — великих! Первый, кого я всегда вспоминаю, — Сергей Параджанов. Быть с Параджановым — значит дышать светящимся воздухом, в котором витает непрозрачная пыль — воздух сказок. Можно сказать, что этот воздух — нереальный, но он более реален, чем сама реальность; это воздушная сказка, и иногда эта сказка добрая, а иногда она тебя поддевает, над тобою пошевеливается. Параджанов уводит тебя от реальности, даря свою мечту. Он смотрит на мир особым, праздничным взглядом. Он мог, например, устроить прощание с камнями: однажды он повел меня на похороны бульжников — асфальтировали улицу, заливая гудроном старую мостовую, выложенную диабазом чуть голубоватого цвета, и он принес прощальное письмо и положил его на камни, которые были еще «живы». Он любил тронутые патиной цвета, любил вещи, которые скоро могли исчезнуть, — он дарил любовь тому, что уходило. Это было его вечное прощание с тем, что он видел вокруг себя и любил. Огромный, великий ум, великий художник; он делал коллажи, равных которым нет, — из кусочков тканей, из разбитых чашек, из чего угодно; великий Вор, который потом раздаривал все, что успел украсть. Его я тоже описал в «Теплом дожде» под именем Агаджанян — тогда нельзя было называть людей, живущих в Советском Союзе. О нем я мог бы говорить тридцать лет...

ДОСЬЕ

Тонино Гуэрра, поэт и сценарист, родился 16 марта 1920 года в романском городке Сант-Арканджемо в центре Италии. Стихи он начал писать в романском диалекте в немецком концлагере. Как он сам объясняет, потому, что в плену вокруг него были крестьяне из Романи, и они хотели от него стихов на понятном им диалекте. С начала 50-х годов Гуэрра часто бывает в Риме, знакомится с Элио Петри, Джузеппе Де Санти-сом (в его фильме «Люди и волки» 1957 года он дебютирует как сценарист). В конце 50-х происходит решающая для Гуэрры встреча с Микеланджело Антониони, с которым он сотрудничает в выпуске всех его фильмов, начиная с «Приключения» (1960), за исключением картины «Профессия репортер». К его драгоценному опыту сценариста обращались все великие режис-

Я имел счастье знать не просто лучших — великих!

Андрей Тарковский

— Андрея Тарковского я считаю одним из самых великих режиссеров XX века. Мы с ним подолгу бродили под снегом — в Москве он жил неподалеку от Лоры. Мы выходили на улицу, потому что квартиры прослушивались, а власти его побаивались и уважали, но не любили. И когда он выказал желание приехать в Италию, мы с Лорой старались ему помочь и долго думали, о чем бы он мог снять фильм. Я ему посоветовал обратиться к теме путешествия по Италии, как это делали многие великие художники и писатели, к тому же такая тема была хорошим предлогом для заграничной поездки. И ему удалось приехать в Италию, где я его ждал, сначала одному, без жены и сына, которых власти предусмотрительно с ним не отпустили. Он начал снимать во время нашего путешествия по югу Италии, которое мы предприняли в поисках материала — так возник его фильм «Время путешествия». Потом мы при-

ехали в Тоскану, в маленький городок Баньо Виньони. Там есть на площади курящийся теплый бассейн, в котором в XV веке купалась св. Екатерина Сиенская. Он был очарован этим местом и в то же время испытывал ностальгию по России — я никогда не видел, чтобы кто-нибудь так по ней тосковал, — и вот тут-то у него и возник замысел нового фильма. Можно сказать, что ему мало было созерцать глазами все красоты Италии — ему нужна была перспектива дали, которой ему не хватало, — российской дали. Так родилась «Ностальгия».

Там же, в Тоскане, мы побывали на кладбище в Монтерки, где в маленькой часовне есть картина Пьеро делла Франческа «Мадонна, носящая младенца» (Madonna del Parto), здесь-то и произошел случай, запечатленный потом в его документальном фильме: он отказался войти в часовню и посмотреть на Мадонну, потому что никто из близких не разделит с ним эту радость, — ни друзья, ни жена,

ни сын. Это удивительный жест — отказаться от красоты!

Нечто подобное произошло с нами в России, когда мы с Лорой захватили в какую-то деревню, привезя с собой арбуз. Мы разрезали его на части и стали угощать живших там старушек. Все ели, кроме одной, которая унесла свою долю к себе. Когда настало время уходить, мы, желая попрощаться, к ней зашли и увидели, что ее кусок арбуза остался нетронутым. Я спросил, почему она его не ела? Она ответила: «Уж простите меня! Я не могу это есть, ведь мой покойный муж никогда этого не пробовал».

Натан Эйдельман

— Кстати, сюжет с птицами не только экранизирован русским режиссером, он и пришел ко мне из России. Мне его подсказал удивительный человек — Натан Эйдельман, с которым нас познакомил писатель Юлий Крелин, двоюродный брат моей жены. Натан как-то, уже незадолго до смерти, гостил у меня в Сант-Арканджемо... Он меня захватывал своими историческими открытиями, которыми всегда был полон, и его воодушевленные рассказы запомнились надолго. Еще он был замечательным собеседником. Очень радовался, когда ему рассказывали какие-то замыслы. Вот я придумал эту историю про бунт собак на льду Невы, он очень это поддержал и внес множество новых красок.

Михаил Шварцман

— Хочу немного сказать о великом художнике Михаиле Шварцмане, ныне тоже покойном. Нас долгие годы связывала нежная дружба, похожая на любовь. Приезжая в Москву, мы всегда приходили к нему домой, где была и его мастерская и где он жил со своей женой, по происхождению княгиней, и та показывала его огромные картины, стоявшие «лицом к стене». Я написал о нем несколько статей, в которых назвал его живописью «собором души». Это грандиозный художник. Однажды я увидел, как он уязвим. Я всего лишь спросил его за столом, как он себя чувствует в России. У него задрожали губы, он заплакал и сказал: «Тонино, как можно чувствовать себя в России? Россия — это все, это полное дыхание мира».